

УДК 811.161.1(09) + УДК 811.163.10

**ТЫРНОВСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА
«ВТОРОГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ»**

© 2011 г.

В.Д. Петрова

Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

petrovavd@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.11.2010

Рассматривается роль Тырновской школы как фактора «второго южнославянского влияния» в Московской книжности к. XIV–XV вв.

Ключевые слова: архаизация, афонская реформа, «второе южнославянское влияние», грецизация, Тырновская школа.

Проблеме «второго южнославянского влияния» в истории русской книжности (начиная с А.И. Соболевского) посвящена огромная литература, однако, несмотря на это, она сохраняет дискуссионный характер и еще далека от окончательного решения (само количество исследований свидетельствует об этом). В подавляющем большинстве работ доминирующим остается определение этого явления в древнерусской книжности к. XIV–XV вв. как результата южнославянского (преимущественно болгарского) влияния. Во многих исследованиях оно прочно ассоциируется с деятельностью Тырновской школы патриарха Евфимия, а в болгарских практически сводится к воздействию идей данной школы – «второе южнославянское влияние» однозначно интерпретируется как перенос принципов реформы Тырновской школы в Московскую Русь: «Принципы на Евтимиевата школа биват пренесени в Русия от Киприан и Григорий Цамблак, стигат дори до Великото литовско княжество. Киприан е плодovit книжовник, развива голяма и разностранна книжовна дейност. Близък на тырновския патриарх, усвоил неговата реформа, той я развива и разпространява с авторитета си на черковен ръководител. Не става дума само за проява на отделни лица, но за цяло, значително течение – второто южнославянско влияние, предмет на голям брой научни изследвания; неговите следи се откриват до XVI–XVII в.» [1, с. 17; 2]. В современных исследованиях болгарских ученых особо подчеркивается роль Тырновской школы как книжного центра, реформаторская деятельность которой является образцом для остальных православных славянских стран: «Тырновска книжовна школа бележи цяла културна епоха не само за България и Балканите, но и за цяла Югоизточна и Източна Европа. ... Предприето-

то от Евтимий Тырновски и сътрудниците му «изправление книг» в манастира «Св.Троица» край Тырново през 70-те години на XIV в. слага началото на една църковно-културна реформа, която има широк международен отзвук и изиграва съществена роля в културно развитие на Югоизточна и Източна Европа» [3, с. 45]. Согласно точке зрения Г. Данчева, начало процесса проникновения традиций Тырновской школы в русские земли относится ко времени еще до падения Тырново (1393 г.). Пути проникновения основных положений Тырновской школы разнообразны: прямые общения русских духовных лиц и книжников с идеями и языковыми и художественными принципами создателя Тырновской школы патриарха Евфимия; перенесение произведений Евфимия и его учеников в русские земли; книжная деятельность митрополита Киприана, а позже и Григория Цамблака [4]. Ключевой фигурой в процессе перенесения идей Тырновской школы в Московскую Русь считается митрополит Киприан: «Конкретната богословска и книжовна дейност на Киприан в Русия показва, че той не само познава отблизо произведенията на патриарх Евтимий, но и се стреми да наложи в Русия езиковите и художествените принципи на своя съученик и учител. Киприановото книжовно дело показва, че тъкмо от произведенията на патриарх Евфимий тръгва началото на Тырновската книжовна школа в Русия още в годините преди нейния разгром» [4, с. 46; 1–6]. Анализируя деятельность митрополита Киприана в Московской Руси, Н. Дончева-Панайотова считает возможным говорить о полном соответствии реформаторской деятельности Киприана реформаторской деятельности патриарха Евфимия. Книжно-реформаторская деятельность Киприана свидетельствует «за една последователно и целенасочено провежда-

на църковно-културна политика за пренасяне, доразвиване и обогатяване на традициите на Търновската книжовна школа в Русия в края на XIV и началото на XV в.» [3, с. 47].

Однако факты, накопленные в современной исследовательской литературе, не совсем согласуются с такими выводами. Известны основные принципы, положенные в основу реформы языка Тырновской школы: 1) «собразяване с етапа, до който е достигнало развитие на старобългарската книжовна норма в среднобългарската епоха, с новоразвитите черти, добили широко разпространение в среднобългарските паметници» и 2) «следване особеностите на гръцкото писмо, на гръцкия правопис и език» [7, с. 152–153]. Тырновская реформа отличается особым отношением к кирилло-мефодиевскому наследию – для тырновских реформаторов характерен отказ от сознательного сближения с языком кирилло-мефодиевских переводов [7], (поэтому не представляется возможным согласиться с мнением тех исследователей, которые деятельность Тырновской школы рассматривают в контексте возвращения к исходному состоянию славянского книжного языка, данного в кирилло-мефодиевских переводах). Отталкивание от образцов, данных предшествующей славянской книжной традицией, и ориентация на греческий язык определяют особенность языка высокой книжности Тырновской школы. Сознательная ориентация на греческий язык из переводческого правила превращается в норму, характеризующую язык и стиль оригинальных сочинений тырновских книжников [8]. Сознательным следованием греческому языку достигается намеренное отчуждение языка высокой книжности от живого языка (последнее также является принципиальной установкой тырновских книжников). Особенностью языковой ситуации Московской Руси к. XIV–XV века также является значительный разрыв между книжным языком и языком народно-разговорным, но вследствие того, что литературный язык, сохраняя вышедшие из употребления в живом языке формы, приобретает архаический облик. Консервация архаических форм является принципиальной установкой восточнославянских книжников; облик языка высокой книжности определяет намеренная архаизация, которая диктует обращение к собственному книжному наследию. Отрицательное отношение к древнему славянскому книжному наследию в творческой практике тырновских книжников определяет выбор в качестве образца современной византийской литературы, ориентацию на греческий язык. С деятельностью Тырновской школы связано по-

явление у православных славян критики текста: обоснование книжного исправления опирается на филологическую критику первоначальных переводов, которые определяются как несовершенные, тем самым требующие исправления. В Московской Руси этого периода предшествующая книжная традиция не подвергается переоценке, она сохраняет свой авторитет. Определяющим для восточнославянских книжников остается «традиционное культурное сознание, видевшее основу книжного языка в священных текстах, созданных славянскими первоучителями» [9, с. 116] (критическое отношение к кирилло-мефодиевскому наследию в Московской Руси начинает отмечаться только с XVI в. [9]). Опора на древнерусскую книжную традицию проявляется и в сохранении характерного для этой традиции взаимодействия книжного и народно-разговорного языка [10]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что принципы Тырновской школы отражения в восточнославянской книжности к. XIV–XV в. не получают, следовательно, речь не может идти о перенесении идей школы патриарха Евфимия в Московскую Русь. И книжная деятельность митрополита Киприана, как показано ниже, отнюдь не связана с утверждением принципов евфимиевской реформы в восточнославянской книжности.

Языковая реформа Тырновской школы представляет собой составную часть реформы, проведенной усилиями славянских книжников на Афоне, в результате чего был установлен единый для православного славянского мира письменный книжный язык. Переводческо-редакторская работа на Афоне начинается уже во второй половине XIII в. [11]. Патриарх Евфимий продолжает в Болгарии начатую афонскими книжниками реформу, руководствуясь теми же принципами, но ужесточая требования к точности передачи всех особенностей греческого оригинала при переводе. Язык переводов/редакций и оригинальных сочинений патриарха Евфимия свидетельствует о том, что его редакторские установки, находясь в общем русле афонских, полностью с ними не совпадают. Это проявляется в большей зависимости евфимиевских редакций от греческого оригинала, в стремлении до мельчайших подробностей отразить все формальные особенности греческого текста, что зачастую приводит к появлению калек, противоречащих нормам славянского синтаксиса [12; 13; 14]. Идеалом становится грецизация языка, столь характерная для оригинальных сочинений патриарха Евфимия и его ближайшего ученика Григория Цамблака. Анализ языка сочинений Киприана (переводов и ориги-

нальных произведений) свидетельствует о том, что его филологические установки не копируют те, что характерны для Евфимия Тырновского. Редакции Киприана (по сравнению с афонскими и они более грецизированы) отличает меньшая зависимость от греческого оригинала, чем это свойственно редакциям Евфимия, для которых характерен крайний буквализм перевода [12; 13; 14]. Язык редакций Киприана свидетельствуют о том, что он в определенной мере учитывает древнерусскую книжную традицию [13; 14]. Переводческие принципы Киприана сопоставимы с теми, которыми руководствуются восточнославянские переводчики и редакторы XIV в. Как отмечается в современных исследованиях, русские редакции богослужебных текстов (Чудовский Новый завет, Иерусалимский Типикон) отличаются, с одной стороны, большей степенью грецизации, чем канонизированные святогорские редакции, с другой – широким обращением к собственной книжной традиции предшествующего периода [12]. Что же касается языка оригинальных сочинений Киприана, то сравнение с языком сочинений патриарха Евфимия и Григория Цамблака показывает, что язык Киприана лишен самых ярких, составляющих специфику языка тырновских книжников особенностей, выработанных под воздействием греческого языка. В отличие от тырновских книжников, у Киприана отмечается тенденция избегать явных синтаксических грецизмов, нарушающих славянскую норму (последние нередки в языке Евфимия Тырновского и особенно Григория Цамблака). В отношении к живому разговорному языку он ближе к восточнославянским книжникам, нежели тырновским. Киприан адаптирует свой язык языку высокой книжности Московской Руси, ведущей тенденцией в формировании которого является архаизация, в отличие от грецизации, свойственной Тырновской школе. Киприан учитывает это; его язык не грецизирован в той степени, как это характерно для тырновских книжников. Использование основных принципов Тырновской школы неизбежно должно было вылиться в грецизацию языка высокой книжности Московской Руси к XIV–XV века, однако образцовый язык этого периода, представленный в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого, свидетельствует о том, что восточнославянские книжники отдали предпочтение другому принципу – архаизации, обратившись к собственному (славянскому) книжному наследию. Ни в языке, ни в стиле жития нет следов южнославянского (среднеболгарского) воздействия [16]. Язык высокой книжности, культивируемый в Тырнов-

ской школе, создавался с опорой на иноязычный образец, язык высокой книжности Московской Руси опирался на кирилло-мефодиевскую традицию древнерусской книжности [17]. Обращение к «собственной античности» (Лихачев) характерно для восточнославянской книжности, тогда как болгарские книжники отказываются от этого. Особенности языка и стиля оригинальных сочинений Киприана и его переводческая деятельность дают основание утверждать, что он не находится в русле тырновской книжной традиции [15]. Неправоммерно говорить о неукоснительном следовании основным принципам евфимиевской реформы в книжной деятельности Киприана; скорее здесь можно видеть отражение принципов, применяемых в канонизированных афонских редакциях (ориентация на греческий оригинал при отказе от явных синтаксических калек). Все это дает возможность утверждать, что Киприан основывался на положениях, выработанных афонскими книжниками, и учитывал при этом восточнославянскую книжную традицию. Киприан, ставший во главе русской церкви, способствовал проведению литургической реформы и вместе с тем распространению книг «правого» афонского извода в Московской Руси [18], однако и введение Иерусалимского Устава, и исправление книг не было вызвано влиянием идей Тырновской школы, а напрямую было связано с афонскими реформами, которые в XIV – начале XV в. затронули весь ареал *Slavia Orthodoxa*. Книжная деятельность митрополита Киприана показывает, что он не ставил своей задачей перенесение принципов Тырновской школы в Московскую Русь; реформаторская деятельность Тырновской школы протекала без его участия (нельзя, естественно, отрицать то, что он знал основные принципы реформы патриарха Евфимия, но руководствовался он теми положениями, которые были разработаны славянскими книжниками на Афоне). Таким образом, результаты книжно-реформаторской деятельности Киприана в Московской Руси не позволяют полностью согласиться с выводами Н. Донцовой-Панайотовой: «Запазнените исторически вести и найновите проучвания дават основание днес да се тврди, че между реформаторската дейност на патриарх Евтимий Тырновски в България и тази на митрополит Киприан в Русия съществува пълно единство, което е резултат както на еднаквата им богословска, общотеоретична, научно-филологическа подготовка, придобита при общия им учител Теодосий в Килифаревската обител и в манастирите на Цариград и Света Гора, на еднаквите им ис-

ихастически философско-религиозни разбирания и принципи, така и на някаква координация за единодействие, която е вероятно съществувала между тях като сродници, съученици, съратници и църковни ръководители на два едноплеменни народа (курсив – В.П.)» [3, с. 47]. И патриарх Евфимий, и митрополит Киприан, подвизаясь в среде славянских книжников в монастырях Константинополя и Афона, были хорошо знакомы с основными принципами редакторской работы афонских книжников. Проводниками этих идей, выработанных на Афоне, – общем для византийцев и славян духовном центре, и являются патриарх Евфимий и Киприан: первый в Болгарии, второй в Московской Руси. Однако при характеристике деятельности Киприана в исследовательской литературе в большинстве случаев этот существенный момент не учитывается: традиция рассматривать Киприана как представителя Тырновской школы заслоняет то, что митрополит Киприан ассоциировался современниками (древнерусскими книжниками) не с Болгарией, Тырновской школой (даже если предположить, что о ее деятельности было известно московским книжникам этого периода [3; 4]), а с Афоном и Константинополем – со святогорской школой, с афонским исправлением книг. В древнерусских источниках Киприан прочно связан с Константинополем. Так, в «Степенной книге» (глава «О Киприане митрополите») читаем: «И тогда прииде из Царяграда на Русь митрополитъ Киприанъ, родомъ сербинъ, мужъ учителень и вельми книженъ, наипаче же и духовень, егоже постави Цареградски патриархъ Филофеи, еще святому Алексию живу суццу (361)». Апелляция к Киприану именно как к представителю святогорской традиции характерна и для позднейших московских книжников, убедительно свидетельствует об этом ссылка на авторитет Киприана московских справщиков XVI века (Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием катехизиса): «Киприан, митрополит Киевский и всеа Руси, егда прииде ис Константина града на русскую митрополию, и тогда с собою привез правльные книги христианского закона греческого языка правила и перевел на словенский язык и божиею милостию пребывают и донные без всяких смутов и прикладов новых вводов» [19, с. 80]. Напомним, что именно новые святогорские редакции называются «правыми» [20].

Культурно-исторические процессы в Московской Руси, определяемые как результат «второго южнославянского влияния», никоим

образом не могут быть связаны с деятельностью Тырновской школы и распространением ее идей, как это принято интерпретировать. Реформаторская деятельность самой Тырновской школы есть приложение принципов афонской реформы в среднеболгарской книжности. Книжное исправление Тырновской школы и в Московской Руси представляют собой параллельные и независимые друг от друга процессы, источник которых – афонская справа. Сходство процессов, затрагивающих духовную сферу, является отражением универсального характера этих процессов, охвативших в XIII–XV вв. византийско-славянский мир. Тырновская школа не имеет отношения к книжной справа в Московской Руси: она начинается раньше, чем разворачивается деятельность книжного центра под руководством патриарха Евфимия. Свидетельство тому – ранние редакции богослужебных текстов, независимые от южнославянских, выполненные восточнославянскими книжниками в XIII–XIV вв. Они находятся в русле новых правленных редакций с ориентацией на греческий язык, характерной и для канонизированных афонских редакций (как уже было отмечено, их отличает от южнославянских опора на собственную традицию предшествующего периода). Отличительной особенностью языка ранних правленных редакций (и восточнославянских, и южнославянских) является буквальное следование греческому оригиналу, оно выдерживается последовательнее, чем в более поздних афонских редакциях. Это ярко проявляется в Чудовской редакции Нового Завета (восточнославянский перевод, относящийся к рубежу XIII–XIV вв.) [12; 21]. Такого же характера и южнославянская редакция Псалтыри – Норовская Псалтырь (среднеболгарская середины XIV в.), текст которой характеризуется излишней грецизацией, которая устраняется в канонических афонских редакциях [22]. Таким образом, ранние правленные редакции богослужебных текстов свидетельствуют о том, что принципы, которыми руководствуются славянские книжники, и южные, и восточные, являются общими. Речь, следовательно, может идти не о влиянии, а об использовании общих установок, разрабатываемых славянскими книжниками в интернациональных центрах – монастырях Константинополя и Афона. Новые принципы перевода/редактирования – это плод общих усилий книжников, работающих в этих центрах межславянского общения. Реформаторская деятельность славянских редакторов завершается выработкой единых норм общеславянского книжного языка, лишенного локальных черт.

Канонизированные афонские редакции, принятые всеми православными славянами, отличаются строгой нормализацией, отсутствием регионализмов [12; 21]. Именно эти редакции, являясь образцовыми, получают широкое распространение в православном славянском мире [20]. С распространением этих редакций в Московской Руси и можно связать то, что принято определять как «второе южнославянское влияние».

Список литературы

1. Динеков П. Търновска книжовна школа (История, основни черти, значение) // Старобългарска литература. 1987. Кн. 20. С. 3–19.
2. Русев П. Реформата на Евтимий Търновски (Характер, особености, разпространение) // Търновска книжовна школа. София, БАН, 1980. Т. 2. С. 49–54.
3. Дончева-Панайотова Н. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа. Велико Търново: Веста, 2004. 576 с.
4. Данчев Г. Традициите на Търновската книжовна школа и литературата на Древна Русия (към въпроса за началото на пренасянето им) // Славянска филология. Литературознание и фолклор. София, 1983. Т. 18. С. 43–50.
5. Дончева-Панайотова Н. Търновска книжовна школа и българо-руското литературно общуване в контекста на културните процеси в Югоизточна и Източна Европа през XIV–XV в. // Търновска книжовна школа. Велико Търново: Веста. 2007. Т. 8. С. 39–55.
6. Дончева-Панайотова Н. Киприан – старобългарски и староруски книжовник. София: БАН, 1981. 231 с.
7. Харалампиев И. Езикът и езиковата реформа на Евтимий Търновски. София: Наука и изкуство, 1990. 157 с.
8. Иванова-Мирчева Д. Евтимий Търновски – писател-творец на литературния български език от късното средновековие // Търновска книжовна школа. София: БАН, 1974. С. 197–210.
9. Живов В.М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. // XI Международный съезд славистов. Братислава. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 106–135.
10. Петрова В.Д. Язык высокой славянской книжности конца XIV–XV в.: отношение к живому разговорному языку // Вестник ННГУ. 2007. № 1. С. 268–273.
11. Тасева Л., Йовчева М. Езиковите образци на атонските редактори // Българска филологическа медиевистика. Научни изследвания в чест на проф. д.ф.н. Иван Харалампиев. Велико Търново: Веста, 2006. С. 221–237.
12. Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс, 2009. 296 с.
13. Афанасьева Т.И. Славянская Литургия Преждеосвященных даров XII–XV вв. Текстология и язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 213 с.
14. Панова С.И. К проблеме происхождения русской редакции Диатаксиста патриарха Филофея // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1. С. 31–44.
15. Петрова В.Д. О некоторых особенностях языка Киприана (в сопоставлении с языком книжников Търновской школы и Епифания Премудрого) // Вестник СамГУ. 2010. № 7 (81). С. 185–191.
16. Петрова В.Д. Отражение книжной традиции Търновской школы в восточнославянской книжности конца XIV–XV в. (Епифаний Премудрый. «Житие Стефана Пермского») // Търновска книжовна школа. Велико Търново. Т. 10 (в печати).
17. Петрова В.Д. Кирилло-мефодиевская традиция в языке древнерусской агиографии («Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого) // Преславска книжовна школа. Шумен: Научен център «Преславска книжовна школа», 2010. Т. 11. С. 225–241.
18. Мансветов И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. Историко-литургическое исследование. М., 1882. 202 с. + XXXVIII.
19. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
20. Попов Г. Среднобългарският светогорски превод на Триода от първата половина на XIV век // Преводите през XIV столетие на Балканите. София: БАН, 2004. С. 173–184.
21. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. М.: Библиейст, 1999. 254 с.
22. Чешко Е.В. Об афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М.: Наука, 1982. С. 60–93.

TYRNOVO SCHOOL AND THE PROBLEM OF «THE SECOND SOUTH SLAVONIC INFLUENCE»

V.D. Petrova

The article covers the role of the Tyrnovo school as a factor of “the second South Slavonic influence” on the Moscow booklore by the 14th–15th centuries.

Keywords: archaization, Greek reform, “the second South Slavonic influence”, Graecization, Tyrnovo school.